

ОТРИЦАНИЕ-АМБИВАЛЕНТНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФОРМА, ЗНАЧЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Шунейко А. А.

Комсомольский-на-Амуре государственный университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5467-2214>

Чибисова О. В.

Комсомольский-на-Амуре государственный университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-2465>

А н н о т а ц и я . Предметом настоящей статьи является отрицание как частотный оператор естественного языка. Исследование направлено на выявление формы, значения и способов функционирования одного из типов отрицания – отрицания-амбивалентности – в русском языке. Решается задача по сопоставлению стандартного отрицания и отрицания-амбивалентности и выявлению общих и дифференциальных признаков каждого из них. На базе этих характеристик выделяются семь параметров анализа отрицания. Устойчивость явления верифицируется на текстах А. В. Дружинина, представляющих собой художественные прозаические произведения, мемуаристику и драматургию. В результате был проанализирован способ отражения реальности, базирующийся на определенном количестве компонентов, и обозначены основные причины использования отрицания-амбивалентности в процессе общения людей. Результаты исследования представляют интерес для отечественной и зарубежной науки в качестве методологической основы изучения других видов отрицания. Их областью применения могут быть многообразные уровни сложности преподавания русского языка в вузе и школе, в том числе при обучении русскому языку как иностранному. На фактических результатах базируются следующие выводы. Отрицание-амбивалентность отличается от стандартного отрицания тем, что оно может выражаться имплицитно и полностью или прямо соответствовать сказанному. Под него попадают антонимы, квазиантонимы, единицы из антонимических полей, а вербализованная единица не предполагает замещения. Отрицание-амбивалентность – это фиксация таких качеств или состояний объекта, при которых их противоположные характеристики симультанно уравновешены. Но это равновесие предполагает, что из нескольких вариантов развития событий осуществится только один. Отрицание-амбивалентность неизменно является маркером коммуникативной ситуации выбора и пограничного состояния человека, оказавшегося в ней. Как инструмент анализа текста оно расширяет представления об опосредованной передаче информации и семантизации экстремальной неопределенности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : отрицание; типы отрицания; амбивалентность; формы отрицания; общение; русский язык; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; художественные тексты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шунейко, А. А. Отрицание-амбивалентность в русском языке: форма, значение, функционирование / А. А. Шунейко, О. В. Чибисова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Том 27, № 2. – С. 77–87.

NEGATION-AMBIVALENCE IN RUSSIAN: FORM, MEANING, FUNCTIONING

Alexander A. Shuneyko

Komsomolsk-on-Amur State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5467-2214>

Olga V. Chibisova

Komsomolsk-on-Amur State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5467-2214>

Abstract. The research object of this article is negation as a frequent operator of a natural language. The research is aimed at identifying the form, meaning and methods of functioning of one of the types of negation – negation-ambivalence – in the Russian language. The problem is solved by comparing standard negation and negation-ambivalence and identifying common and differential features of each of them. Based on these characteristics, seven parameters of the analysis of negation are distinguished. The stability of the phenomenon is verified on A. V. Druzhinin's texts, representing literary prose, memoirs and dramaturgy. As a result, the study has analyzed a way of reflecting reality based on a certain number of components, and the main reasons for using negation-ambivalence in the process of communication between people have been identified. The results of the study may be of interest for domestic and foreign scholars as a methodological basis for studying other types of negation. Their area of application can be various levels of teaching Russian at a higher and secondary school, including Russian as a foreign language. The following conclusions are based on the actual research results. Negation-ambivalence differs from standard negation in that it can be expressed implicitly and it fully or directly corresponds to what is said. It includes antonyms, quasi-antonyms, units from antonymic fields, and a verbalized unit does not imply substitution. Negation-ambivalence is the fixation of such qualities or states of an object in which their opposite characteristics are simultaneously balanced. But this balance presupposes that only one of several scenarios will come true. Negation-ambivalence is invariably a marker of the communicative situation of choice and the borderline state of a person who is in it. As a text analysis tool, it expands the understanding of the mediated transmission of information and the semantization of extreme uncertainty.

Keywords: negation; types of negation; ambivalence; forms of negation; communication; Russian language; Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; fiction texts

For citation: Shuneyko, A. A., Chibisova, O. V. (2022). Negation-Ambivalence in Russian: Form, Meaning, Functioning. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 2, pp. 77–87.

Введение

Отрицание – синтаксический, семантический и логический оператор, без которого не обходится любой тип текстов естественного языка. Соответственно, описание, знание грамматики и обучение грамматике любого языка нельзя себе представить без полноценного воспроизведения и понимания природы отрицания. Между тем до сих пор нет полного описания форм и способов отрицания. На преодоление данного состояния направлена статья.

Хотя отрицание – объект научного анализа в течение тысяч лет, внимание исследователей до сих пор концентрируется на стандартном отрицании, современные представления о котором сводятся к следующему.

Отрицание – универсальная категория мышления, которая присутствует во всех языках, характеризуется множеством типов и высокой частотностью проявлений в речевой практике. По этой причине оно является предметом теологии [Hass 2017], нейролингвистики [Xiang, Grove, Giannakidou 2016], лингвистики [Oomen, Pfau 2017], логики [De, Omori 2015], психологии [Aerts, Sozzo, Veloz 2015], философии [Fine 2017], информатики [Bárány, Cate, Segoufin 2015] и других наук.

С точки зрения логики отрицание – это оператор, который выстраивает из одного предложения другое, которое истинно тогда,

когда данное предложение ложно, и наоборот. В рамках языкознания отрицание – это специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места [Падучева 2011]. М. Миестамо определяет конструкции со стандартным отрицанием как конструкции, назначение которых – трансформировать вербальное повествовательное предложение, содержащее пропозицию *p*, таким образом, чтобы полученное предложение выражало пропозицию со значением истинности, противоположным *p* [Miestamo 2008: 42]. Под пропозицией понимаются такие семантические компоненты предикативной природы, как презумпции и ассерции, причем стандартное отрицание отрицает ассерцию и сохраняет презумпцию [Падучева 2014: 21].

Как правило, стандартное отрицание рассматривается в лингвистике как формальная и/или прагматическая категория.

В первом случае акцентируется внимание на месте, семантике и моделях отрицания. Рассматривая утверждение/отрицание как грамматическую категорию, А. А. Калинина, анализирует формальные средства ее выражения, а сам факт их наличия считает подтверждением того, что это грамматическая категория [Калинина 2008: 119]. К этим средствам относятся «отрицательные слова», объем которых

уточняется автором за счет единиц, которые могут выступать синонимическими заменами друг друга при отрицании в тождественных конструкциях. Е. П. Кофман [Кофман 2012], воспринимая отрицание как когнитивное явление, выявляет всю совокупность средств его выражения в английском языке – от частиц и приставок до целых синтаксических конструкций различного типа. Семантику отрицания в дипломатическом тексте анализирует Д. А. Голованова и приходит к выводу о релятивности значения отрицания, об обусловленности содержания отрицания оппозицией «свой – чужой», в частности отнесение высказывания к категории «чужой» продуцирует резкие эксплицитные отрицания [Голованова 2013: 272]. Слитное и раздельное написание частицы «не» с существительным «любовь» как проявление смешанных эмоций представлено в работе А. А. Штеба [Штеба 2015: 80]. Принимая во внимание поливалентность эмоций, автор приходит к выводу, что пробел упрощает подачу материала, позволяет производить детализацию передаваемого состояния от ненависти до отрицания только какой-либо из сторон любви. И. Ю. Зиновьева [Зиновьева 2009: 77] положительно решает вопрос о том, является ли отрицание модальной единицей; с ее точки зрения, это элемент значения предложения, который транслирует модальные смыслы, тесно связанные с иными типами модальностей. В. П. Фесенко на базе корпусного материала приходит к выводу, что выбор падежной формы в конструкциях переходных глаголов с отрицанием зависит от позиции имени, фактора референтности и характеристик предиката [Фесенко 2016: 21].

Во втором случае акцентируется внимание на функциях отрицания в повествовательных структурах. Построенные по модели «all V peg that V» пословицы и поговорки английского языка рассматривает А. И. Лызлов и приходит к выводу, что они выражают амбивалентный прямой номинации оценочный признак, который формируется благодаря наличию в них формального отрицания; автор классифицирует выражаемые значения по тематическому признаку [Лызлов 2014: 61]. Н. С. Баребина [Баребина 2013] справедливо полагает, что когнитивный механизм контраргументации тесно связан с категорией отрицания и рас-

сматривает различные языковые средства реализации этой категории с помощью лексико-морфологических и синтаксических единиц, формирующих негативную оценку в процессе дискуссии. Функции и роль отрицания в конфликтном взаимодействии на материалах ток-шоу рассматривает В. Е. Ершова, отмечая многообразие ролей отрицания, среди которых: провокация, уход от ответа, внедрение иной системы ценностей [Ершова 2012: 13]. По наблюдениям Е. Н. Воробьевой, наличие отрицания в недоуменном вопросе создает его особый коммуникативный статус: предложение одновременно является вопросительным и повествовательным [Воробьева 2015: 16].

Несмотря на широкое распространение в языке конструкций со стандартным отрицанием, Е. В. Падучева обращает внимание на то, что помимо стандартного отрицания существует ряд конструкций с нестандартным отрицанием [Падучева 2014: 21]. Исследователь выделяет из них предложения со смещенным отрицанием, с глобальным, т. е. расширенным, отрицанием и с радикальным отрицанием. По нашему мнению, к ним необходимо добавить, по крайней мере, еще один устойчивый тип выражения отрицания: отрицание-амбивалентность.

Цель статьи

Отрицание-амбивалентность – тип отрицания, который до сих пор не становился объектом научного рассмотрения. Целью исследования является обнаружение формальных, семантических и функциональных особенностей отрицания-амбивалентности. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: (1) выработка общей модели описания; (2) сбор фактов; (3) характеристика отрицания-амбивалентности по общим параметрам и установление его дифференциальных признаков; (4) суммарная репрезентация двух типов отрицания; (5) выявление коммуникативной природы и роли в самоорганизации текста. Гипотеза исследования имела следующий вид: отрицание-амбивалентность – достаточно широко распространенный в текстах особый тип отрицания, обладающий специфическими характеристиками и функциями, посредством которых реализуются особые задачи.

Методика, материалы и ход исследования

Поскольку отрицание – единица, непосредственно регулирующая коммуникацию, для ее анализа целесообразно применять коммуникативно-прагматический метод и структурный метод в варианте дистрибутивного аспекта анализа [Комарова 2012]. Это позволяет рассмотреть содержательную сторону прямо и опосредованно участвующих в отрицании речевых компонентов, установить, как они распределяются в тексте, а следовательно, соотносятся между собой, и дает возможность раскрыть природу реализации отрицания-амбивалентности в процессе взаимодействия. Раскрытие семантической и функциональной природы отрицания допускает ряд формальных обобщений. Суммирование формальных и содержательных особенностей отрицания способствует выявлению набора характеристик, которые дают полное представление о различных сторонах отрицания.

На базе этих характеристик составлена модель анализа отрицания, которая включает в себя семь параметров.

1. Эксплицитно и/или имплицитно рассматриваемое явление.
2. Предполагает ли явление выбор при замещении единицы на ее антоним.
3. Семантика сформулированного утверждения.
4. На каком логическом операторе отрицание базируется.
5. Чем замещается вербализованная единица.
6. Что может попадать под отрицание.
7. Сколько компонентов может быть задействовано при реализации.

Воспроизведенная выше модель – матрица, которая ведет не только к обнаружению, но и верификации тех или иных фактов как относящихся именно к отрицанию. Каждый из параметров предполагает возможность наполнения различными характеристиками. Противопоставленный другим набор характеристик – показатель того, что перед нами типологически единое, но в видовом отношении самостоятельное языковое явление.

Для проверки характеристик и демонстрации устойчивости явления была произведена сплошная выборка из текстового объема, включающего в себя художественные проза-

ические произведения, мемуаристику и драматургию. Общий объем текстов – 1360 000 знаков. Суммарно это выглядит следующим образом.

Результаты**Стандартное отрицание обладает следующими характеристиками:**

1. Всегда является эксплицитным отрицанием – выражается с помощью различных отрицательных средств: «*И прав Полинки на имя ангела никто не посмеет оспаривать*» [Дружинин 1986: 32]; «*<...> из слабой души не может литься такое энергическое пение...*» [Дружинин 1986: 6]. Отрицания выражены отрицательным местоимением *никто* и отрицательной частицей *не*.

2. Отсутствие выбора. Стандартное отрицание не предполагает и не задает возможности выбора при интерпретации или прочтении между двумя взаимоисключающими смыслами. Выбор предрешен или продиктован самой формулировкой, сделан в момент говорения. Такой выбор всегда касается одной из противоположных характеристик: «*Я знал двух людей, ненавидевших друг друга до невероятной степени*» [Дружинин 1986: 131]; «*вот почему во всю мою молодость, испытавши все на свете, я не испытал настоящей любви к женщине*» [Дружинин 1986: 6]. Слово *ненавидевших* означает только отсутствие любви и ее противоположность, а частица *не* при глаголе *испытал* предполагает исключительно отсутствие этого действия, его противоположность – бездействие.

3. Семантически всегда утверждает факт, противоположный сказанному. В предложении «*Пораженные Дантовыми упреками, граждане Феррары решительно идут против войны*» [Дружинин 1986: 193] предметом описания является отношение граждан Феррары к войне, ее возможность отрицается. В предложении «*<...> у Кости не проходило дня без брани с кем бы то ни было, без потасовки в свою или неприятельскую невыгоду*» [Дружинин 1986: 76] гиперболически утверждается, что герой постоянно ругался и дрался.

4. Базируется на логическом операторе «или», причем эффект создается в силу или на базе утверждения или констатации осуществленного выбора между противополож-

ными смыслами. Утверждение «<...> рука ее не коснулась ни до одной вещи, которая бы не была в полной мере изящна» [Дружинин 1986: 8] возможно только в ситуации, когда рука девушки касается или не касается какой-либо вещи; в иной ситуации оно становится бессмысленным. Констатация «Я бы не писала тебе всего этого, *mon cher petit ange*...» [Дружинин 1986: 12] допустима только в том случае, если у героини есть возможность писать или не писать; иначе она теряет смысл.

5. При восприятии предполагает обязательное замещение (1) одного антонима другим безотносительно к тому, какого типа эти антонимы: контрарные или градуальные, комплементарные или дополнительные, конверсионные или векторные; (2) в случае с комплементарными антонимами – антонима средним компонентом; (3) в случае со словами, не входящими в антонимические отношения, – иными единицами, обусловленными семантикой контекста. В следующем примере «И лицо показалось не то, и глазки не те, и рука не та...» [Дружинин 1986: 234] у указательного местоимения *то* есть антоним *это*. «Знаете, ударьтесь-ка в какую-нибудь специальность, читайте военные сочинения» [Дружинин 1986: 111] – у слова *военный* есть комплементарные антонимы *гражданский*, *мирный*.

6. Стандартному отрицанию может быть подвергнуто любое знаменательное слово вне зависимости от наличия у него антонимической пары. «<...> Гоголь видел то, что другой не увидит» [Дружинин 1986: 152], «Напрягая слух при волнении, ничего не слышишь» [Дружинин 1986: 387]. У глаголов *видеть* и *слышать* нет антонимов, но они подвергаются отрицанию.

7. При реализации стандартного отрицания суммарно может быть задействовано от двух до неопределенного множества компонентов. Например: утвердительным эквивалентом отрицания «Передо мной находился не стул» может служить констатация наличия любого объекта мира. Присутствие двух компонентов может быть оформлено с помощью противительных отношений: «В эти сладкие минуты я не жил, а бредил наяву» [Дружинин 1986: 9]. Присутствие множества компонентов предполагает открытый список: «Меня встретила сухая, облизанная фигура, которой возраста

определить было невозможно» [Дружинин 1986: 73]. Утвердительным эквивалентом этого отрицания может быть длинный список лет, на которые выглядел упоминаемый персонаж: ему было + перечисление.

Отрицание-амбивалентность обладает следующими характеристиками.

Прежде чем их раскрыть, необходимо подчеркнуть: отрицание-амбивалентность как классическое отрицание и оксюморон прямо и непосредственно связано с антонимией. На антонимии базируются, кроме классической антитезы (толстый – тонкий), три основных преобразования: амфитеза – утверждение двух противоположных признаков (днем и ночью = всегда), диатеза – утверждение среднего показателя (ни днем, ни ночью = утром или вечером), акротеза – утверждение одного из показателей (не наяву, а во сне). Но отрицание-амбивалентность не тождественно, не сводимо к этим преобразованиям и находится, строго говоря, по отношению к ним в ином измерении.

1. Может быть эксплицитным и имплицитным отрицанием.

Эксплицитное отрицание-амбивалентность выражается с помощью разного рода противительных и уступительных отношений, выраженных союзами «а», «но», «хотя», «правда», их синонимическими заменами или без союзов. Здесь и далее контексты воспроизводятся так, чтобы сконцентрировать внимание на анализируемом явлении и абстрагироваться от сопутствующей ему информации. В предложении «<...> ни по уму, ни по чувству, ни по способностям он не опереживал своего возраста, а со всем тем он был неизмеримо выше всех детей одних с ним лет» [Дружинин 1986: 81] отрицается, что лицо является типичным представителем своего поколения, и в то же время утверждается, что он превосходил свое поколение и ничем не выделялся на его фоне. В предложении «<...> с какой любовью слушала молодая девушка историю кровопролития, которое, по всей вероятности, интересовало ее столько же, сколько меня перевороты в японской империи» [Дружинин 1986: 88] отрицается, что девушку интересовала информация, и в то же время утверждается, что она интересовалась и не интересовалась информацией.

Имплицитное отрицание-амбивалентность выражается с помощью утверждения исключающих друг друга атрибутов. Например, утверждение «<...> *весь дом знал эту тайну, и я, может быть, к горю моему знал ее <...>*» [Дружинин 1986: 65] содержит отрицание того, что актуальная для автора информация является тайной, и в то же время обозначает, что некоторая информация одновременно является тайной и не тайной, поскольку она всем известна. «*Когда я буду писать мои воспоминания, я буду врать страшно*» [Дружинин 1986: 171] – в данном случае характеры ментальных действий – вспоминать то, что было, противоположны по множеству признаков; например, по степени присутствия в них компонентов лжи, произвольности, наличия злого умысла. Между тем автор предполагает осуществить действие, которое будет объединять названные противоположности.

2. Отсутствие выбора. Как и в случае со стандартным отрицанием отрицание-амбивалентность не предполагает и не задает возможности выбора при интерпретации или прочтении между двумя взаимоисключающими смыслами. Отсутствие вариантов прочтения предпрешено или продиктовано самой формулировкой, определено в момент говорения. Но при этом, в отличие от стандартного отрицания, само прочтение включает сразу два противоположных компонента. «*Стройная, тоненькая, она будто не касалась дерева, на которое, однако же, облакачивалась всем телом*» [Дружинин 1986: 126]. У слушающего нет возможности выбора понимания того, что именно делала девушка: не касалась дерева или прислонилась к нему. «*Поколения людей не глупеют и не умнеют*» [Дружинин 1986: 178] – приемник этой информации лишен возможности выбрать, какая именно характеристика людей упоминается автором в данном случае: использование двух взаимоисключающих характеристик без намек на предпочтение какой-либо просто исключается из ситуации выбора.

3. Семантически в суммарном плане это всегда утверждение, полностью или прямо соответствующее сказанному. В предложении «<...> *страшный лес глядел так приветливо*» [Дружинин 1986: 108] обе противоположные характеристики леса представлены прямо: страшный и приветливый; их не нужно выяв-

лять через поиск антонима отрицаемого слова. В следующем случае «<...> *по садовым дорожкам, которые были так расчищены, что походили на канавы*» [Дружинин 1986: 125] два антагонистичных объекта описаны непосредственно и отождествлены в одном: дорожки и канавы.

4. Базируется на логическом операторе «и». Эффект создается в силу или на базе утверждения или констатации единства двух противоположных смыслов, характеристик, состояний. Единство это настолько значимо, что в ряде случаев выражается эксплицитно с помощью союза «и». «*Вы вовсе не жили, и вам жить не хочется*» [Дружинин 1986: 111] означает, что человек мертв в каком-то из смыслов этого слова и не желает оживать. Утверждение «*В одно и то же время я был первым и последним, меня любили и ненавидели, меня боялись и делали мне неприятности*» [Дружинин 1986: 129] равносильно утверждению «*я заслуживаю как вражды, так и любви, уважения и скуки*».

5. При восприятии не предполагает замещения одного антонима другим, поскольку оба они и так присутствуют в номинации. «<...> *преклонился перед женщиной, не достойной имени женщины*» [Дружинин 1986: 124] – названы обе противоположные характеристики: женщина и не женщина. «<...> *пел такие арии, которые вряд ли кому приходится слышать*» [Дружинин 1986: 121], то есть пел арии, которые не являются ариями, арии и не арии, арии и песни.

6. Отрицание-амбивалентность может включать в себя только антонимы, контекстуальные антонимы или единицы, которые входят в семантические поля, находящиеся в антонимических отношениях. При этом не фиксируются отрицания-амбивалентности, которые включают в себя векторные антонимы. Утверждение особенностей оценки героини «<...> *не то что нравится ей, не то чтобы не по вкусу*» [Дружинин 1986: 8] включает в себя две антонимичные этикетные формулы. В предложении «*Все-таки мы приятели, хотя давно уж разошлись в разные стороны*» [Дружинин 1986: 8] первая единица относится к семантическому полю «дружба», вторая – к семантическому полю «вражда».

7. При реализации отрицания-амбивалентности суммарно обычно задействовано

два компонента, но может быть задействовано и три. «Я плюнул на женский род, достойный слез и смеха» [Дружинин 1986: 175]. Характеристика объекта включает две противоположные особенности, которые в реальной коммуникативной практике редко напрямую совмещаются между собой. «Но когда вопли и плач мегеры усилились, когда из-за разных углов стали высываться разные лакейские физиономии, когда на этих физиономиях показались и страх, и радость, и любопытство... я не выдержал долее» [Дружинин 1986: 124]. В данном случае три характеристики вполне могут быть представлены бинарно (боялся с любопытством и радовался с любопытством). Когда эти же характеристики объединяются, то они начинают конфликтовать с точки зрения своей семантической совместимости.

В текстах отрицание-амбивалентность может очень сильно усложняться. Усложнение происходит за счет того, что противополож-

ные характеристики могут получать развернутое описание. В таких случаях один из компонентов антонимической пары или дублируется, или замещается воспроизведением его семантики или признаков. Например, в предложении «Три дни болезни, мнительности, даже мечты о том, что у меня горловая чахотка и что я умру во цвете лет» [Дружинин 1986: 190] представлены три взаимоисключающие характеристики, при этом одна из них раскрывает свое значение за счет определительного придаточного предложения, которое присоединено к слову «мечты». Такие и более распространенные развернутые описания могут становиться самостоятельными компонентами текста и составлять амбивалентные антитезы. Более того, на них могут быть основаны целые сюжеты.

Обобщить различия в распределении характеристик по различным параметрам матрицы у различных типов отрицания можно с помощью таблицы 1.

Таблица 1. Распределение характеристик различных типов отрицания

	СТАНДАРТНОЕ ОТРИЦАНИЕ	ОТРИЦАНИЕ-АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
Эксплицитно и/или имплицитно рассматриваемое явление	эксплицитно	эксплицитно и имплицитно
Предполагает ли выбор при замещении единицы на противоположную?	не предполагает	не предполагает
Семантика сформулированного утверждения	утверждение полностью или частично противоположно сказанному	утверждение полностью или прямо соответствует сказанному
На каком логическом операторе отрицание базируется?	или	и
Чем замещается вербализованная единица?	антонимами, у комплементарных антонимов средним компонентом, любой нетождественной по семантике единицей	не предполагает замещения
Что может попадать под отрицание?	любое знаменательное слово	антонимы, квазиантонимы, единицы из антонимических полей
Сколько компонентов может быть задействовано при реализации?	от двух до неопределенного множества	два, но может быть три

Отрицание в сознании слушающего – двухфазная единица. Первая фаза предполагает фиксацию способа выражения отрицания в тексте. Вторая фаза предполагает подбор адекватного этому отрицанию утверждения. Поскольку способы фиксации самого отрицания и способы замещения вербализованных

единиц в сознании, как видно из предшествующего изложения, различны, это тоже может служить базой для экспликации типологии. Она может быть выражена с помощью таблицы 2, где + и – обозначают противоположные по семантике единицы одного порядка.

Таблица 2. Типы отрицаний
с позиции двухфазности восприятия

	ПЕРВАЯ ФАЗА	ВТОРАЯ ФАЗА
Классическое отрицание	не +	– или –
Отрицание-амбивалентность	+ и –	+ и +

Важно, что подходы с различных точек зрения показывают нам наличие дифференциальных признаков у различных типов отрицания.

Обсуждение

Обязательными условиями реализации отрицания-амбивалентности являются одномоментность операции оценки, отсутствие градации в приписываемых признаках, предельная определенность или полная абстрактность субъекта оценки, предельная определенность или полная абстрактность объекта оценки. Как только одно из этих условий нарушается, возникают иные семантические эффекты, позволяющие фиксировать широкий спектр характеристик. Например, *«Гений может вести рядом практическую жизнь и жизнь идеальную, чуждую фактических впечатлений; талант обыкновенный должен выбрать что-нибудь одно»* [Дружинин 1986: 176]. В данном случае все характеристики лица присутствуют в один временной промежуток и одном пространственном континууме. Эти же характеристики являются обязательным условием при обнаружении отрицания-амбивалентности в конкретном тексте.

На настоящем этапе исследования можно говорить только об относительной статистике распространения в текстах различных типов отрицаний. Безусловно лидирующую позицию занимает стандартное отрицание; вторым по распространенности является отрицание-амбивалентность. Причем разница встречаемости определяется не разами, а порядками. Так, в проанализированных текстах общий объем – 1360 000 знаков, было зафиксировано стандартных отрицаний – 5 473, отрицаний-амбивалентностей – 120. Нет сомнений в том, что в различных функциональных стилях отрицание представлено по-разному. Можно предположить, что язык художественной литературы, разговорная речь и публицистика допускают оба типа отрицаний ориентировочно в том

соотношении, которое указано выше. В то же время научный стиль и официально-деловой стиль отрицания-амбивалентности не приемлют.

Выводы. Стандартное отрицание и отрицание-амбивалентность – два самостоятельных и тесно связанных между собой способа и типа отрицания. Распространение интегральных и дифференциальных признаков позволяет утверждать, что ни один из них не является вариантом другого.

Отрицание-амбивалентность является типичным, распространенным, обладающим формальной и содержательной спецификой явлением, которое предопределяется совокупностью внешних коммуникативных причин и играет существенную роль в самоорганизации текста и связанных с языком когнитивных процессах.

Собственно коммуникативных причин возникновения отрицания этого типа четыре.

1. Столкновения различных точек зрения на один и тот же объект, например его оценка разными людьми или одним человеком с разных позиций. *«И что за картины! Какие-то коровы или разбойники между горами»* [Дружинин 1986: 11]. Объект изображения на полотне воспринимается зрителем по-разному в зависимости от того, с какой точки зрения он на них смотрит.

2. Многомерность самого объекта, когда он в синхронии или в диахронии предполагает диаметрально противоположные оценки или различные типы описания. *«И странное дело: изящная женская красота князя Александра, самого хорошенького мальчика в нашем корпусе, меркла перед красотой Всеволожского, которого товарищи иногда называли уродом за его небрежный вид и часто неловкие движения»* [Дружинин 1986: 134]. В данном контексте четко прослеживаются два этапа оценки князя Александра и Всеволожского. При этом на первом этапе князь Александр просто считается красавцем, точно так же, как и Всеволожский. Но их сравнительное взаимодействие приводит к тому, что Всеволожский становится к тому же уродом, и отождествление двух персонажей по признаку внешней красоты переносит эту амбивалентную характеристику на князя Александра.

3. Сложности описания, которые предполагают, что арсенал средств позволяет сформули-

ровать амбивалентную оценку, но не позволяет выявить ее причину: «Правда, я выдержал горячку, да бог еще знает, отчего она случилась. Была ли то любовь, досада, или утомительная дорога... Кто еще это разберет?» [Дружинин 1986: 30].

4. Речевые причины, связанные с уровнем языковой компетентности говорящего. Эту причину можно считать разновидностью первой. «Впрочем, на этот счет я никогда не был полным жорж-сандистом, хотя пуританством никогда не отличался» [Дружинин 1986: 319]. Ограниченность знаний говорящего, неумение четко представить себе, какие именно содержательные характеристики предполагает слово «жорж-сандист» заставляет его прибегнуть к амбивалентности: уравновесить одно определение другим.

Эти четыре типа причин могут разными способами совмещаться в одних контекстах. Например: «Конечно, она сама смеялась, рассказывая эти вздоры, со всем тем наивностью эта мне не по мысли» [Дружинин 1986: 81]. Здесь сталкиваются внутренняя и внешняя оценка содержания рассказов: смешные с собственной точки зрения и вздорные с точки зрения слушающего.

Отрицание-амбивалентность всегда связано с ситуациями выбора. Это ситуации внутреннего выбора, которые противоположны ситуациям внешнего навязанного выбора: «Какое право имеет этот жестокий человек меня мучить? <...> Или я раба его, или я не человек, или я не равна ему?» [Дружинин 1986: 49]. Внутреннее размышление героини заставляет ее сделать вывод о том, что невозможно найти определенного ответа на то, кем она является в глазах другого персонажа, поэтому она для автохарактеристики использует сразу три взаимоисключающих единицы.

Такая ситуация может быть предметом подробного описания в отдельном тексте. Именно такое описание разворачивается в повести А. В. Дружинина «Рассказ Алексея Дмитрича». В процессе осуществления выбора рядом с характеристиками формируются противоположные им: «Рядом с любовью во мне развивалось чувство, враждебное бедной девице» [Дружинин 1986: 113]. А в тот момент, когда антонимические характеристики уравниваются, возникает отрицание-амбивалентность. И она приводит к одному из вариантов развития собы-

тий: «Я мог удивляться Вериньке, но любить ее уже не мог <...> враждебное чувство <...> начинало <...> принимать гигантский объем, душишь во мне все остатки любви, дружбы и сострадания» [Дружинин 1986: 125].

С точки зрения семантического наполнения отрицание-амбивалентность – это фиксация таких качеств или состояний объекта, при которых их противоположные характеристики симультанно уравновешены, представлены в одинаковом количестве без преобладания чего-либо. То есть объект является в равной степени, например, военным и штатским, заурядным и исключительным, любимым и ненавидимым, отталкивающим и притягательным.

Такое состояние тождественно характеристикам точек бифуркации. Равновесие предполагает, что за ним обязательно последует рост количества какого-либо признака и из двух или трех вариантов развития событий осуществится один. Отрицание-амбивалентность фиксирует точки бифуркации в восприятии чего-либо или в повествовании о чем-либо. Соответственно, представление о нем может служить для обнаружения этих точек, знание которых очень важно для адекватной оценки восприятия или повествования.

Можно предположить, что отрицания-амбивалентности являются маркерами текстов, ориентированных на передачу пограничных состояний. «Я все еще вполноту только проснулся и в каком-то забытьи слушал эти речи» [Дружинин 1986: 105]. Говорящий подчеркивает, что он находится на грани сна и яви. Важно, что и сама эта грань может быть описана только с помощью амбивалентных средств.

Можно предположить также, что наличие в реальной речи человека превышающего норму количества отрицаний-амбивалентностей является показателем того, что человек в данный момент находится в точке выбора: «Теперь моя работа должна состоять в том, чтоб или снова пойти по старому, благословенному пути или всеми мерами стараться поддерживать в себе все то, что два года тому подобрал я на пути этом» [Дружинин 1986: 155].

Все это однозначно сигнализирует о том, что отрицание-амбивалентность играет существенную роль в речи, текстах и при идентификации различных компонентов коммуникации.

Литература

- Барбина, Н. С. Отрицательная оценка в дискурсе опровержения / Н. С. Барбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3. – С. 70–75.
- Воробьева, Е. Н. О коммуникативном статусе недоуменного вопроса / Е. Н. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3. – С. 16–25.
- Голованова, Д. А. Особенности семантики отрицания в дипломатическом тексте / Д. А. Голованова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6. – С. 169–274.
- Дружинин, А. В. Повести. Дневник / А. В. Дружинин. – М.: Наука, 1986. – 504 с.
- Ершова, В. Е. Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта: их функции и роль в конфликтном взаимодействии / В. Е. Ершова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 12–15.
- Зиновьева, И. Ю. К вопросу о модальной природе категории отрицания / И. Ю. Зиновьева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – № 11. – С. 76–78.
- Калинина, А. А. Лексические средства выражения утверждения/отрицания / А. А. Калинина // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 3. – С. 117–124.
- Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
- Кофман, Е. П. Средства репрезентации концепта отрицание в английском языке / Е. П. Кофман // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 2. – С. 44–50.
- Лызлов, А. И. Об амбивалентности оценочных признаков в английских паремиях со значением отрицания / А. И. Лызлов // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 6. – С. 58–64.
- Падучева, Е. В. Нестандартные отрицания в русском языке: внешнее, смещенное, глобальное, радикальное / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2014. – № 5. – С. 3–23.
- Падучева, Е. В. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи / Е. В. Падучева. – М., 2011. – URL: <http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>. – Текст: электронный.
- Фесенко, В. П. Выбор родительного / винительного падежа существительных абстрактной семантики при переходных глаголах с отрицанием (корпусное исследование конструкций с глаголами давать, находить, обнаруживать) / В. П. Фесенко // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 16. – С. 15–22.
- Штеба, А. А. Смешанная эмоция и ее функционально-семантический потенциал (на примере номинации «Нелюбовь») / А. А. Штеба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 72–80.
- Aerts, D. Quantum structure of negation and conjunction in human thought / D. Aerts, S. Sozzo, T. Veloz. – Text : electronic // *Frontiers in psychology*. – 2015. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.01447/full> (mode of access: 27.03.2021).
- Bárány, V. Guarded negation / V. Bárány, B. T. Cate, L. Segoufin // *Journal of the Association for Computing Machinery*. – 2015. – № 62 (3). – P. 22:1–22:26.
- De, M. Classical Negation and Expansions of Belnap-Dunn Logic / M. De, H. Omori // *Studia Logica*. – 2015. – № 103. – P. 825–851.
- Fine, K. A Theory of Truth maker Content I: Conjunction, Disjunction and Negation / K. Fine // *Journal of Philosophical Logic*. – 2017. – № 46. – P. 625–674.
- Hass, A. W. Hegel and the Negation of the Apophatic / A. W. Hass // *Contemporary Debates in Negative Theology and Philosophy* / ed. by N. Brown, J. Simmons. – Palgrave Frontiers in Philosophy of Religion, 2017. – P. 131–161.
- Miestamo, M. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective / M. Miestamo. – Walter de Gruyter, 2008. – 503 p.
- Oomen, M. Signing NOT (or not): A typological perspective on standard negation in Sign Language of the Netherlands / M. Oomen, R. Pfau // *Linguistic Typology*. – 2017. – № 21. – P. 1–51.
- Xiang, M. Semantic and pragmatic processes in the comprehension of negation: An event related potential study of negative polarity sensitivity / M. Xiang, J. Grove, A. Giannakidou // *Journal of Neurolinguistics*. – 2016. – № 38. – P. 71–88.

References

- Aerts, D., Sozzo, S., Veloz, T. (2015). Quantum Structure of Negation and Conjunction in Human Thought. In *Frontiers in psychology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.01447/full> (mode of access: 27.03.2021).
- Bárány, V., Cate, B. T., Segoufin, L. (2015). Guarded Negation. In *Journal of the Association for Computing Machinery*. No. 62 (3), pp. 22:1–22:26.
- Barbina, N. S. (2013). Otritsatel'naya otsenka v diskurse opроверzheniya [Negative Evaluating in the Discourse of Refutation]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 3, pp. 70–75.
- De, M., Omori, H. (2015). Classical Negation and Expansions of Belnap-Dunn Logic. In *Studia Logica*. No. 103, pp. 825–851.
- Druzhinin, A. V. (1986). *Povesti. Dnevnik* [Stories. Diary]. Moscow, Nauka. 504 p.
- Ershova, V. E. (2012). Otritsanie i otritsatel'naya otsenka kak sostavlyayushchie rechevogo konflikta: ikh funktsii i rol' v konfliktnom vzaimodeistvii [Negation and Negative Assessment as Components of a Speech Conflict: Their Functions and Role in Conflict Interaction]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 354, pp. 12–15.
- Fesenko, V. P. (2016). Vybory roditel'nogo / vinitel'nogo padezha sushchestvitel'nykh abstraktnoi semantiki pri perekhodnykh glagolakh s otritsaniem (korpusnoe issledovanie konstruktivnykh s glagolami davat', nakhodit', obnaruzhivat')

- [The Abstract Noun Genitive / Accusative Case Choice in Transitive Verbs under Negation (Corpus Study of Constructions with Verbs *davat'*, *nakhodit'*, *obnaruzhivat'*)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 16, pp. 15–22.
- Fine, K. (2017). A Theory of Truth maker Content I: Conjunction, Disjunction and Negation. In *Journal of Philosophical Logic*. No. 46, pp. 625–674.
- Golovanova, D. A. (2013). Osobennosti semantiki otritsaniya v diplomaticheskome tekste [The Features of the Semantics of Negation in Diplomatic Text]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 6, pp. 169–274.
- Hass, A. W. (2017). Hegel and the Negation of the Apophatic. In Brown, N., Simmons, J. (Eds.). *Contemporary Debates in Negative Theology and Philosophy*. Palgrave Frontiers in Philosophy of Religion, pp. 131–161.
- Kalinina, A. A. (2008). Leksicheskie sredstva vyrazheniya utverzhdeniya/otritsaniya [Lexical Means of Expressing Affirmation/Negation]. In *Prepodavatel' XXI vek*. No. 3, pp. 117–124.
- Kofman, E. P. (2012). Sredstva reprezentatsii kontsepta otritsanie v angliiskom yazyke [Verbal Means of Representing the Concept Negation in the English Language]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 2, pp. 44–50.
- Komarova, Z. I. (2012). Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFU. 818 p.
- Lyzlov, A. I. (2014). Ob ambivalentnosti otsenочnykh priznakov v angliiskikh paremiyakh so znacheniem otritsaniya [The Ambivalence of Evaluative Features in English Proverbs with Negative Meaning]. In *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. No. 6, pp. 58–64.
- Miestamo, M. (2008). *Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. Walter de Gruyter. 503 p.
- Oomen, M., Pfau, R. (2017). Signing NOT (or not): A Typological Perspective on Standard Negation in Sign Language of the Netherlands. In *Linguistic Typology*. No. 21, pp. 1–51.
- Paducheva, E. V. (2011). Otritsanie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. Na pravakh rukopisi [Negation. Materials for the Draft Corpus Description of Russian Grammar. On the Rights of the Manuscript]. Moscow. URL: <http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.
- Paducheva, E. V. (2014). Nestandartnye otritsaniya v russkom yazyke: vneshnee, smeshchennoe, global'noe, radikal'noe [Non-Standard Negation in the Russian Language: External, Displaced, Global, Radical]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 5, pp. 3–23.
- Shteba, A. A. (2015). Smeshannaya emotsiya i ee funktsional'no-semanticheskii potentsial (na primere nominatsii «Nelyubov'») [Mixed Emotion and its Functional and Semantic Potential (exemplified with the word dislike)]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. No. 1, pp. 72–80.
- Vorobyeva, E. N. (2015). O kommunikativnom statute nedoumennogo voprosa [On the Communicative Status of the Baffling Question]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3, pp. 16–25.
- Xiang, M., Grove, J., Giannakidou, A. (2016). Semantic and Pragmatic Processes in the Comprehension of Negation: An Event Related Potential Study of Negative Polarity. In *Journal of Neurolinguistics*. No. 38, pp. 71–88.
- Zinov'eva, I. Yu. (2009). K voprosu o modal'noi prirode kategorii otritsaniya [On the Modal Nature of the Category of Negation]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 11, pp. 76–78.

Данные об авторах

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия).

Адрес: 681013, Россия, Комсомольск-на-Амуре, пр-т Ленина, 27.

E-mail: a-shuneyko@yandex.ru.

Чибисова Ольга Владимировна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия).

Адрес: 681013, Россия, Комсомольск-на-Амуре, пр-т Ленина, 27.

E-mail: olgachibisova@yandex.ru.

Authors' information

Shuneyko Aleksandr Alfredovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia).

Chibisova Olga Vladimirovna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia).